

Королькова Яна Владимировна

КУЛЬТУРНАЯ МОДЕЛЬ ОБОРОТНИЧЕСТВА В РОМАНАХ-ФЭНТЕЗИ М. СЕМЕНОВОЙ О ВОЛКОДАВЕ

Статья посвящена функциям древней культурной модели оборотничества в авторской модели фэнтези. Анализ текста показывает, что герой-человек по мере развития сюжета постепенно "сливается" со своей зооморфной ипостасью, сохраняя функции защитника слабых и борца со злом. Делается вывод о положительной семантике оборотничества в романах М. Семеновой.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/11-1/24.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (29): в 2-х ч. Ч. I. С. 87-89. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 82-344

Филологические науки

Статья посвящена функциям древней культурной модели оборотничества в авторской модели фэнтези. Анализ текста показывает, что герой-человек по мере развития сюжета постепенно «сливается» со своей зооморфной ипостасью, сохраняя функции защитника слабых и борца со злом. Делается вывод о положительной семантике оборотничества в романах М. Семеновой.

Ключевые слова и фразы: культурная модель; авторская модель; архаика; оборотничество; русское фэнтези; функция героя.

Королькова Яна Владимировна, к. филол. н.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

korolkovatomsk@yandex.ru

**КУЛЬТУРНАЯ МОДЕЛЬ ОБОРОТНИЧЕСТВА
В РОМАНАХ-ФЭНТЕЗИ М. СЕМЕНОВОЙ О ВОЛКОДАВЕ[©]**

В отечественном фантастиковедении стала уже практически аксиомой посылка о генетической связи фэнтези с мифом и фольклором. Исследование в этом направлении ведется как «вширь» – выявление универсальных для фэнтези сюжетов, мотивов, образов, восходящих к древности, – так и «вглубь» – анализ конкретных произведений. В аспекте исторической поэтики представляется органичным обращение к понятиям *культурная и авторская модели*. В. Е. Головчинер связывает с *культурной моделью* «представление о сложившемся – коллективном или чьем-то конкретно творческом опыте, – который «отзывается», трансформируется каждый раз по-своему, иначе функционирует в индивидуальных авторских воплощениях – в *авторских моделях*» [1, с. 10] (*курсив В. Е. Головчинер – Я. К.*).

Цель данной работы – определение функций архаической культурной модели оборотничества в четырех романах-фэнтези М. Семеновой о Волкодаве¹.

Именованное главного героя Волкодавом сразу подчеркивает двойственную, зооантропоморфную природу образа, имплицитно связано с оборотничеством (подробнее о семантике и функциях этого именованного см. [2]).

Потенциальная возможность оборотничества заложена и в описании верований веннского народа, к которому принадлежит Волкодав. В тексте упоминается род не только Серого Пса, но и Соловьев, Пятнистых Оленей, Зайцев, Барсуков. Называние рода именем какого-либо животного (птицы) дает основания проводить параллели между верованиями вымышленного народа и первобытными тотемическими воззрениями.

В повествование включаются легенды веннов об основателях рода, которые подтверждают отмеченную параллель. Так, согласно легендам, первопредок Серых Псов «в самом деле был псом, который избавил праматерь племени от лютых волков, а потом, как водится, обернулся статным мужчиной» [5, с. 80]; «Зайцы носят свое прозвание оттого, что когда-то давно их будущая праматерь, собирая грибы, забралась слишком далеко в чащу и оказалась на пути лесного пожара. И худо бы ей пришлось, не подоспей неизвестно откуда изрядный заяц-русак. Подскочил он к девушке – и повел ее прочь от беды <...>. А как отбушевал палючий огонь – тут-то заяц кинулся оземь, обернулся молодым статным мужчиной...» [3, с. 277-287].

Приведенные легенды имеют одну инвариантную схему: праматерь рода оказывается в беде, и ей на помощь приходит зооморфное существо, которое спасает женщину, а затем принимает человеческий облик. Актуализируется защитительная функция мужчины по отношению к женщине. Здесь модель оборотничества реализуется в неопределенном мифическом прошлом вымышленного мира и оставляет возможность колебания в трактовке достоверности/недостоверности.

Оборотничество воплощается и непосредственно в сюжете «Волкодава». В первый раз оно актуализируется во сне героя. Находясь в городе Галираде, Волкодав видит во сне, как ночью в далекой лесной деревне Пятнистых Оленей разбойники пытаются проникнуть в «клеть», чтобы обокрасть хозяев. Они знают, что в «клетки» спят дети, готовы убить их ради получения прибыли. Планы разбойников нарушает внезапно появившийся пес: «Перед дверью клетки, словно кого-то заслоняя собой, стоял пес. Громадный, с крупного волка. Широкогрудый. И удивительно страшный. Он не лаял, даже не рычал, но жесткая щетина грозно стояла дыбом, и в свете мертвенной вспышки блестели, точно клинки, ощеренные клыки. <...>

ГЛАЗА. Они (разбойники – Я. К.) напоролись не на простую собаку. У страшного серого зверя были ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ГЛАЗА» [5, с. 114-115] (*выделено М. Семеновой – Я. К.*).

Последняя фраза, выделенная в авторском тексте, подчеркивает двойственную природу пса, что дополняется восприятием Волкодава: «Вот бы знать, снились ли кому в эту ночь такие же странные сны?.. Видел ли кто еще себя собакой у порога клетки?..» [Там же, с. 115] (*курсив М. Семеновой – Я. К.*).

Представляются важными для понимания особенностей воплощения модели оборотничества несколько моментов. Во-первых, герой сразу идентифицирует себя с псом («видел себя собакой»). Во-вторых, на этом

© Королькова Я. В., 2013

¹ Роман «Волкодав. Истовик-камень», также входящий в серию, является типичным «приквелом», поэтому не рассматривается в данной статье.

этапе повествования «оборачивание» происходит, когда герой находится в измененном состоянии сознания: он видит все происходящее во сне. В-третьих, пес и человек, представляющие два облика одного лица, находятся в разных точках пространства: собака – в лесной деревне, человек – в столице Галираде. Такое метафизическое пространственное перемещение вполне объяснимо формой сновидения, в котором возможно все.

Но неслучайно пес оказывается в деревне, где живет именно род Оленей. Читателю уже известно, что Волкодав познакомился с девочкой из этого рода, Оленюшкой, которая подарила ему бусину (эта важная деталь будет повторяться в последующих описаниях пса) – знак того, что считает его своим женихом. Не имея физической возможности находиться рядом с маленькой невестой, Волкодав защищает ее в облике пса. Реальный и фантастический планы смыкаются: то, что Волкодав считает сном, на самом деле происходит в реальности, но в другой точке пространства. Наблюдается своеобразная деметафоризация именованного героя: Волкодав-человек становится волкодавом-псом, сохраняя основную функцию защитника в сюжете.

Функцию защитника по отношению к Оленюшке Волкодав выполняет и в другом эпизоде первого романа: в облике пса он спасает невесту от нападения в глухом лесу. Объяснение ситуации дано в постпозиции: «Там-то, в садике кнесинки, и накатил на него (*Волкодава – Я. К.*) однажды приступ странной сонливости, природы которой он и сам сначала не понял. <...> ...какая-то часть его разума необъяснимо унеслась прочь, и он с не меньшей ясностью увидел себя большой серой собакой, бегущей по сосновому лесу. <...>

Он вспомнил схожий сон, посетивший его летом. Тогда это был действительно сон. А теперь все совершалось вроде как наяву» [Там же, с. 321-322]. По сравнению с первым эпизодом меняется природа мотивации от отчетливо иррациональной (сновидение) к условно рациональной (происходящее кажется герою уже частью реальности).

В сюжете первого романа оборотничество актуализируется в третий раз, когда израненный после битвы у Препоны Волкодав лежит в забытьи. В человеческом облике он находится в крепости Винитара – сына своего кровного врага, а в облике пса – в лесу, где его пытаются спасти от смерти Оленюшка и наставница Кан-Кендарат. Представляется значимым сюжетное объяснение того, почему пес оказался ранен: «*Девочка осторожно пошла по кровавому следу и через некоторое время наткнулась на большого мертвого волка. Потом еще на одного. Волков убил не человек: обом располосовали горло чьи-то клыки*» [Там же, с. 545] (*курсив М. Семеновой – Я. К.*). Противопоставление пса-волкодава и его природных противников – волков – обнаруживает параллель с социальной средой. В ней герой Волкодав противопоставлен людям, которые, по сути, повторяют агрессивное поведение представителей животного мира. Соположение в сюжете двух эпизодов из социальной и животной среды, организованное моделью оборотничества, усиливает эту параллель.

В названном эпизоде герой не проявляет себя в функции защитника, так как находится на грани жизни и смерти. Борьба Кан-Кендарат и Оленюшки за его жизнь изображается как противостояние смерти, персонифицированной в образе высокой худой женщины. Ночью она приходит за Волкодавом, но не может преодолеть границу, освещаемую костром. Когда хворост заканчивается и Оленюшке кажется, что пес умрет, на лесной поляне начинают появляться странные люди, которые приносят поленья для костра, чтобы поддержать его до рассвета. Описание этих людей дает основания думать, что это души умерших, которым когда-то помог Волкодав.

Фантастическое допущение, позволяющее автору создать отчетливо нереальную ситуацию, актуализирует проблему, связанную с функцией героя-защитника. На помощь Волкодаву приходят спасенные им, что укрепляет его в понимании правильности своих поступков, в нежелании проходить мимо чужой беды.

В первом романе серии защитительная функция героя, связанная с реализацией модели оборотничества, проявляется только по отношению к его невесте Оленюшке, входящей в круг самых близких людей.

В романе «Право на поединок» круг спасаемых героем-псом расширяется. В начале романа также в измененном состоянии сознания он спасает из реки мальчика. Позднее волкодав-пес возвращает Оленюшку домой, когда она решает уйти оттуда. В этих эпизодах дублируется основная функция героя, причем действия пса совершаются в точках пространства, отдаленных от его антропоморфной ипостаси.

Иной принцип введения оборотничества – в эпизоде преследования Волкодавом молодой женщины, посланницы смерти, пришедшей убить жену ювелира. Описание Волкодава дается с точки зрения позднего прохожего, ставшего свидетелем погони: «...неописуемо жуткий зверь: огромный, всклокоченный пес с человеческими глазами, горящими бешеной зеленью» [4, с. 316-317]. Герой принимает облик пса незаметно для себя, и превращение помогает ему выполнить свою функцию – наказать убийцу. Впервые зоо- и антропоморфная ипостаси Волкодава оказываются в одной точке пространства, способность героя мгновенно менять обличье становится средством фабульного развития.

Такие сюжетные ситуации, как превращение Волкодава в пса для защиты вора от самосуда (роман «Знание пути») и сражение волкодава-пса с телохранителем, убившим ребенка (роман «Самоцветные горы»), также проявляют героя в типичной для него функции уже в непосредственном событийном развертывании.

Реализация модели оборотничества в форме сновидений, данных на начальном этапе пути героя, может являться воплощением романной природы. Оборачивание героя псом может быть одним из вариантов фантастического допущения, которое оставляет возможность двоякого толкования. Но по мере развития сюжета герой обретает способность сознательно менять облик, что может быть интерпретировано как апелляция к древнему опыту: мифам, изображающим зоантропоморфных героев, волшебным сказкам, сохранившим следы тотемических воззрений.

Таким образом, архаическая модель оборотничества в авторской модели фэнтези обретает отчетливо положительными коннотации: герой в зооморфном облике выполняет функции защитника или борца со злом.

Список литературы

1. Головчинер В. Е. К проблеме понятия «культурная модель». Системы и модели в литературоведении (размышления на заданную тему) // Трансформация и функционирование культурных моделей в русской литературе: материалы Третьей всеросс. науч. конф. с междунар. участием. Томск, 2008. С. 3-11.
2. Королькова Я. В. Семантика имени заглавного героя в цикле романов-фэнтези М. Семеновой о Волкодаве // Прикладная филология: идеи, концепции, проекты: сб. тр. VIII Международной научно-практической конференции. Томск, 2010. Ч. 2. С. 217-221.
3. Семенова М. Волкодав. Знамение пути: роман. СПб.: Азбука-классика, 2003. 416 с.
4. Семенова М. Волкодав. Право на поединок: роман. СПб.: Азбука; Терра, 1996. 528 с.
5. Семенова М. Волкодав: роман. М. – СПб., 1998. 640 с.
6. Семенова М. Волкодав. Самоцветные горы: роман. М. – СПб., 2004. 408 с.

CULTURAL MODEL OF LYCANTHROPY IN FANTASY NOVELS ABOUT WOLFHOUND BY M. SEMENOVA

Korol'kova Yana Vladimirovna, Ph. D. in Philology
National Research Tomsk Polytechnic University
korolkovatmsk@yandex.ru

The article is devoted to the functions of the ancient cultural model of lycanthropy in the author's model of fantasy. The text analysis shows that a hero-man gradually "merges" with his zoomorphic hypostasis in the course of plot development, keeping the functions of a defender of the weak and fighting against evil. The conclusion about the positive semantics of lycanthropy in the novels of M. Semenova is made.

Key words and phrases: cultural model; author's model; archaic character; lycanthropy; Russian fantasy; hero's function.

УДК 8;81'367

Филологические науки

В статье рассматривается проблема определения грамматического статуса вводных слов на -но. Анализируются данные словарей и академических грамматик, сопоставляются различные точки зрения на морфологическую и синтаксическую характеристику названных языковых единиц. Исследуя функционирование лексем на -но, автор обосновывает необходимость введения понятия «модусный предикатив». Это лексемы, этимологически связанные с прилагательными и наречиями, но отличающиеся от них недескриптивной семантикой и текстовой сферой функционирования. В статье предлагается системно-грамматический и текстовый анализ модусного предикатива «бессporno».

Ключевые слова и фразы: вводные слова; наречие; категория состояния; модусный предикатив; позиционный анализ; текстовые функции; коммуникативная грамматика.

Кузнецова Светлана Михайловна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
semicvetik19@mail.ru

**МЕЖДУ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМ И НАРЕЧИЕМ
(К ВОПРОСУ О ГРАММАТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ ВВОДНЫХ СЛОВ НА -НО)[©]**

Объектом нашего исследования являются отадъективные образования на -но – 238 лексем, 129 из которых квалифицируются как наречия, 83 – как категория состояния, 26 – как вводные слова, без уточнения морфологического статуса [8, с. 521-522].

Категория вводности является проблемным участком языковой системы. Подтверждением этому служит количество терминов, используемых в научном дискурсе для именования интересующих нас лексем: вводные слова [5; 6; 7], модальные слова [4], парантетические слова [2], метатекстовые элементы языка [13], эгоцентрики [Там же], структурные [11] и процедурно-контекстные слова [3], дискурсивные слова [10]. До сих пор остается множество неразрешенных вопросов, связанных с различными аспектами анализа названных элементов языка: этимологией, поиском инвариантного значения, лексикографическим описанием. Наибольшие споры, вне всякого сомнения, вызывает вопрос о грамматическом статусе анализируемых единиц.

Впервые термин «вводное предложение» употреблен в «Практической грамматике русского языка» Н. И. Греча 1827 года: «Вводное предложение или парентеза есть совершенно постороннее предложение, не имеющее никакой грамматической связи с главным; например: У меня, поверите ли, замерзает вода в комнате» [6, с. 248]. Однако Н. И. Греч ничего не говорит о существовании вводных слов: лексемы на -но ученый относит к разряду наречий со значением «утверждения и показания возможности» [Там же, с. 223]. Похожей точки зрения придерживается Я. К. Грот: «Запятыми... отделяются наречия, когда они не входят